

Сейчас
на Красной Пресне

Меня

5

10 МАИ 1985

МОСКОВСКИЙ РАДИОСЛУШАТЕЛЬ

г. Москва

С. Угрюмов

ТЕАТР ищет и, видимо, находит свои пути в решении военной темы, органически связанные с собственными возможностями. В чем-то он, несомненно, уступает кинематографу — скажем, вряд ли стоит на сцене заставлять танковое сражение с маневрами и бросками. А вот неподдельность человеческого существования и особый эффект нашего присутствия при том, как герои совершают свой выбор, вряд ли чем-нибудь заменимы.

Поэтому, наверно, не случайно, что госпитальная палата может стать местом, откуда вот так, по-особому видна, вся война. Действительно, герои перед их переломом на оценке перенесенных предельных испытаний, они взглянули смерти в глаза. И война видна нам не столько в своем огненном и грохочущем обливании, сколько через этих людей, чья психология.

Среди последних премьер «госпитальный» вариант решения военной темы был избран, например, театром «Современники» («Навеки девятнадцатилетние») и молодежным театром-студией на Красной Пресне, о спектакле которого «В этот день» и пойдет сегодня речь.

Инсценировка по Евгению Носову «осуществлена» В. Крупицким. Если единство места задано госпитальной палатой, то скоро зритель обнаруживает и второе классическое единство — времени: все действие происходит в день конца войны. И в недолгом спектакле обозначены два резко различных состояния героев: еще война — и уже мир.

Спадает занавес, как будто сброшены бинты, и палата с людьми становится метафорой одной обнаженной раны.

Конечно, персонажи, представшие перед нами, индивидуализированы. Один насмешливый, другой меланхолический, третий какой-то нервный, дерганый... Разные у них ранения, разные и судьбы, да и ждет их неодинаковое будущее.

Но это все увидено «не в фокусе», не как сама тема, а как ее разные отражения. Все-таки острее ощущаешь не их различия, а то, что их объединяет. Война — одна

● ПО ОБЕ СТОРОНЫ РАМПЫ

СЛЫШАТЬ СКВОЗЬ ВРЕМЯ

на всех, недавняя близость гибели — тоже, а теперь вот и Победа.

МОЖЕТ быть, поэтому главный герой из них тот, кого мы не увидим в движении совсем, да и услышим от него очень немногое.

Тяжелораненый Колешкин (И. Ситгорских) сквозь беды и на первый взгляд на слишком выравненные подробности своего военного пути — подумавши, извозник, оловно на было более «ярких» фронтовых специальностей! — сразу становится для нас солдатом вообще. То есть тем, кто пошел, куда повалили, делал, что приказывали, отдал все, что требовалось Родине, даже если это все — жизнь.

Его ждут где-то далеко, но и жена, и дети — не отличия его от других, а часть общих связей война и тыла.

Он любит свою «малую родину». Но мы так и не услышали, чем же она хороша, ведь ли там речки или лесах какой-нибудь необыкновенный. Про других узнали, кто с Волги, кто из Молдавии, а про него нет. И это не ошибка, не пренебрежение, а самая суть образа: вот уж и подробностей он никаких не помнит или выговорить; назвать не может, а осталась одна тяга к родным местам, которая и всегда была глубокой и необъяснимой, чем их конкретные достоинства. Он уже не может их и похвалить, только любит.

И ВОТ все другие раненые, показанные нам более подробно и конкретно, связаны с ним, живут вокруг, даже когда чем-то отвлечены. Жизнь, Война, Разлука, Боль, Страх, Долг — все эти категории не отличают их друг от друга, а объединяют. Тем самым спектакль от рассказа о конкретных судьбах восходит куда-то в сферу, более близкую поэзии, а то и музыке.

Может быть, поэтому в нем много песен — они ведь самой своей природой говорят не столько об одном,

сколько обо всех. Это не бытовые мелодии и тексты, которые могли бы звучать в тот день на самом деле. В песнях на музыку и слова наших современников и интонации и образы — сегодняшние. И они не иллюстрируют событий, а звучат им резонансом. Может быть, и ввести их следовало бы через конкретный образ нашего молодого современника, пусть он и не вступал бы в течение событий, происходящих перед нами. Он был бы нашим представителем на оценке, соединявшим их и наши чувства. Сегодня, после Брехта, такой ход вряд ли кого-нибудь поразил бы своим неправдоподобием.

Когда же звучит песенка тех лет, непритязательный, даже дешёвенький немецкий шлягерок — функция его совершенно иная. В этой слащавости один из раненых солдат чувствует то, что оскорбляет его не столько даже эстетическое, сколько нравственное чувство. Резко прерванная им мелодия — это протест против забывчивости и беспечного равнодушия.

Здесь — одна из важных кульминаций спектакля. Память наша не только в тот, далекий, самый первый день, полный неустыжшей боли, но и сегодня, но и всегда хранит и будет хранить все, что довелось испытать людям и народу. Забычивость и равнодушие оскорбительны для нас, как кощунство.

Гораздо более спорным

выглядит решение «концерта», который дают в палате школьники. Ничего не было бы странного, если бы мы, пусть и через голову раненых, улыбнулись бы явности и неумелости маленьких исполнителей. Но все-таки главным, пожалуй, была их чистота, трогательность, их старание помочь своему веселому зрительному залу, а для раненых была несомненно и действительная прелесть и красота показанного им зрелища. Могли быть и слезы (своих детей вспомнишь), могла быть и радость. Но гротесковые краски тут явно неуместны.

Больше других имеют возможность показать своих персонажей М. Богдасаров — ловкий, неунывающий Саянко, дальний, но все-таки родной Тюркина, и С. Мироненко — потерявший руки молодой молдаванин Михай, у которого есть и растерянность, и неубитое стремление к человеческому счастью...

ВОЕННАЯ тема в сегодняшнем молодежном театре — тема особая. Постановщики и исполнители здесь не только подтверждают профессиональные умения перевоплощения, но и куда более необходимую способность слышать близкое и далекое в далеком уже времени, в образах тех людей, которые отстояли наше счастье.

М. АРГУС

Фото С. ЛАВИНА